

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Нартова Надежда Андреевна

*Гражданственность и социальное включение городской молодежи в
современной России*

РЕЗЮМЕ ДИССЕРТАЦИИ

на соискание ученой степени кандидата социологических наук

(PhD)

Научный руководитель:
доктор социологических наук
Омельченко Елена Леонидовна

Москва, 2021

Постановка исследовательской проблемы

Российские и западные исследователи отмечают общее снижение участия молодежи в институционализированной политике по отношению к предшествующим поколениям: молодежь меньше интересуется политикой, меньше голосует, меньше состоит в политических партиях и профсоюзах¹. Денис Волков указывает, что «по сравнению со старшим поколением молодые вдвое реже следят за политическими новостями и обсуждают политические вопросы с друзьями и знакомыми, в 3 раза реже ходят на выборы»². В последних выборах в Государственную Думу в 2016 году участвовало только около 30 % молодежи³, в политических партиях состоит всего около 3,5 % молодежи, доверяют официальным политическим институтам примерно 11 %, в то время как не доверяют почти 41 %⁴, не интересуется политикой 57 % молодых, а интерес к ней проявляют только 19 %⁵.

Такое «неучастие» молодежи в легитимном поле политики и — шире — ее не/гражданственность интерпретируются по-разному. Одни исследователи говорят о политической апатии молодежи, о ее аполитичности, о кризисе гражданства молодежи и в целом о формировании негражданственного, эгоистичного и инфантильного поколения⁶. Другие указывают на общий демократический кризис современных государств и тенденцию к снижению гражданского участия в целом⁷. Третьи ищут ответы, связанные

¹ Pilkington H., Pollock G. 'Politics are bollocks': youth, politics and activism in contemporary Europe // *The Sociological Review*. 2015. Vol. 63, № S2. P. 1–35.; Putnam R. D. *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. New York: Simon and Schuster, 2000. 554 p.

² Волков Д. Отличия молодых россиян от представителей старших поколений: результаты социологического мониторинга // *Вестник общественного мнения*. 2020. № 1–2 (130) – с. 127.

³ Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Пипия К., Рысева А. «Поколение Z»: молодежь времен путинского правления // *Вестник общественного мнения*. 2020. № 1–2 (130). – с. 41.

⁴ Collection of short comparative country reports – RUSSIA (2018) // PROMISE: Promoting Youth Involvement and Social Engagement: Opportunities and challenges for 'conflicted' young people across Europe. URL: <http://www.promise.manchester.ac.uk/wp-content/uploads/2019/02/National-Report-level-2-Russia-February-2019.pdf> (дата обращения: 14.04.2021).

⁵ Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Пипия К., Рысева А. «Поколение Z»: молодежь времен путинского правления // *Вестник общественного мнения*. 2020. № 1–2 (130). – с. 33.

⁶ Hart S. The "problem" with youth: young people, citizenship and the community // *Citizenship Studies*. 2009. Vol. 13. No.6. P. 641–657.; Fahmy E. *Young Citizens: Young People's Involvement in Politics and Decision Making*. Hampshire: Ashgate Publishing Ltd, 2006. 204 p.; Kimberlee R. H. 'Why don't British young people vote at general elections?' // *Journal of Youth Studies*. 2002. Vol. 5 No. 1. P. 86–98.; Milkman R. A New Political Generation: Millennials and the Post-2008 Wave of Protest // *American Sociological Review*. 2017. Vol. 82. No. 1. P. 1–31.

⁷ Clément K., Zhelnina A. Introduction to the Special Issue: Imagining a Link Between Local Activism and Political Transformation: Inventions from Russia and Eastern Europe // *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 2020. Vol. 33. No. 2. P.117–124.; Norris P., *Democratic Deficit: Critical Citizens Revisited*, Cambridge. Cambridge University Press, 2011. 350 p.

непосредственно с самой молодежью, ее социальным бэкграундом, ограничениями в доступе к участию и т.д.⁸

Н. Менниг говорит о том, что доминирующий дискурс о молодежи как неучаствующей, апатичной, негражданственной порождается «ортодоксальным (гегемонным) представлением о политике» и «количественной методологией»⁹. Менниг утверждает, что нерелексивно используемая в исследованиях гегемонная модель политики — административной, регуляторной, деморализованной — эффективно вытесняет любые формы политики, выходящие за ее пределы¹⁰. Более того, согласно Х. Пилкинтон и Г. Поллоку, «аргументы и контраргументы об апатии к политике или оторванности от нее молодежи подкрепляются предположением о нормативном "благее" политического вовлечения»¹¹. Что, в свою очередь, исключает из рассмотрения ту молодежь, которая не разделяет такую перспективу, называя свое включение неполитическим, даже если они политически активны¹².

Таким образом, отказ от ригидного понимания политического и гражданского участия, разбивание сцепки гражданства и участия в формальной институционализированной политике, смена методологии и фокуса исследований обещают расширение перспективы видения и понимания гражданского опыта молодежи. Развивающиеся с начала нового тысячелетия качественные исследования молодежного включения в качестве критики и альтернативы конвенциональным подходам сформировали «повседневный поворот» в исследованиях гражданства, ориентированный на теоретизирование неформальной неинституционализированной политики, в которой молодежь участвует. Принимая во внимания изменившиеся условия жизни современного общества, такие как глобализация, становление неолиберального капитализма, высокая степень неопределенности, развитие интернета, индивидуализация, прекаризация, в которых устоявшиеся модели политического участия зачастую оказываются не релевантными, исследователи фокусируются на повседневном опыте и интерпретациях самой молодежи, показывая, что молодежь не аполитична или не гражданственна, а

⁸ Kimberlee R. H. Why don't British young people vote at general elections?// *Journal of Youth Studies*. 2002. Vol. 5. No. 1. P. 86–98.

⁹ Manning N. 'I mainly look at things on an issue by issue basis': Reflexivity and phronêsis in young people's political engagements// *Journal of Youth Studies*. 2013. Vol. 16. No. 1.- p. 18.

¹⁰ Ibid. P. 21.

¹¹ Pilkington H., Pollock G. 'Politics are bollocks': youth, politics and activism in contemporary Europe // *The Sociological Review*. 2015. Vol. 63. № S2. – p. 6.

¹² Ibid. P. 6.

развивает новые способы понимая гражданства, новые формы гражданского участия, значительно расширяя «политический» репертуар¹³.

По данным Левада-Центра¹⁴ в России 23 % молодежи когда-либо были волонтерами или участвовали в деятельности общественных организаций, 22 % подписывали политические петиции и обращения, 11 % участвовали в политических действиях и инициативах в интернете, 9 % переставали покупать товары по политическим и экологическим мотивам¹⁵. Это тем не менее не позволяет авторам указанного исследования отнести эти действия к реальной политике, определяя гражданско-политическое участие российской молодежи как «телевизионный интерес», т.е. наблюдение без активного участия¹⁶. Опрос 2020 г. Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора ВШЭ показал, что молодежь в возрасте 24–34 лет занимается волонтерством чаще, чем взрослое население России (29 % против 23 %)¹⁷ и в целом помогающее поведение активно развивается в крупных городах с населением 1 млн и выше¹⁸. Т.е. если опыт волонтерской деятельности среди молодых россиян в 7 раз выше, чем опыт участия в политических партиях, то значит молодежь где-то, как-то и зачем-то участвует? При этом она участвует в особых условиях современной России, которую исследователи определяют как постсоциалистическую «управляемую демократию», характеризующуюся ограничением политического выражения и поддерживаемой государством нетерпимостью¹⁹.

С начала 2000-х годов с приходом к власти В.В. Путина в России формируется особый политический режим — в терминологии Владимира Гельмана «персоналистский

¹³ Threadgold S. Youth, class and everyday struggles. London, New Yourk: Routledge, 2018. 260 p.; Harris A., Wyn J., Younes S. Beyond apathetic or activist youth: 'Ordinary' young people and contemporary forms of participation // Young. 2010. Vol. 18. No. 1. P. 9–32.; Miller-Idriss C. Everyday Understandings of Citizenship in Germany // Citizenship Studies. 2006. Vol. 10. № 5. P. 541–570.; Lister R., Smith N., Middleton S., Cox L. Young People Talk about Citizenship: Empirical Perspectives on Theoretical and Political Debates // Citizenship Studies. 2003. Vol. 7. No. 2. P. 235–253.; Stevenson N. Cultural Citizenship in the "Cultural" Society: a Cosmopolitan Approach // Citizenship Studies. 2003. Vol. 7. No. 3. P. 331–348.

¹⁴ АНО «Левада-Центр» - российское юридическое лицо, выполняющее функции иностранного агента.

¹⁵ Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Пипия К., Рысева А. «Поколение Z»: молодежь времен путинского правления // Вестник общественного мнения. 2020. № 1-2 (130). – с. 33.

¹⁶ Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Пипия К., Рысева А. Российское «Поколение Z»: установки и ценности. 2019/2020. М.: Филиал зарегистрированного союза «Фонд имени Фридриха Эберта» (Германия) в Российской Федерации. – с.38. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16135.pdf> (дата обращения: 14.04.2021).

¹⁷ Котляр М., Гебернаторов Е. ВШЭ оценила уровень счастья российской молодежи. РБК. 27.06.2021 URL: <https://www.rbc.ru/society/27/06/2021/60d751eb9a7947ff95714152?fbclid=IwAR0x5d3ufDf3zoa7Q9XkfgY7zNpCaLriszxWfW5j7hfSef8BkTe9N8qEcZU> (дата обращения: 14.09.2021).

¹⁸ Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора. №2 (19) 2020. - с. 17. URL: https://grans.hse.ru/data/2021/03/18/1399603728/Bulleten%2019_small.pdf (дата обращения: 14.09.2021).

¹⁹ Grimm R., Pilkington H. 'Loud and proud': youth and the politics of silencing // The Sociological Review. 2015. Vol. 63. No.2_suppl. – p. 207.

электоральный авторитаризм»²⁰, характеризующийся среди прочего тотальным усилением государственного контроля при имитации демократических процессов. Перспективы развития гражданского общества и отношения государство–общество в целом исследователи описывают как «тоска и отчаяние» / «gloom and doom»²¹. С начала 2000-х, а особенно с 2010-х в России существенным образом сокращается доступ к публичному пространству для неподконтрольных государству инициатив. Так, ужесточается законодательство, касающееся организации и проведения публичных массовых мероприятий, в том числе протестного характера и акций прямого действия. Изменилась и законодательная база, регулирующая деятельность НКО, что привело не только к преследованию и закрытию ряда гражданских и исследовательских НКО в России, но и к созданию атмосферы опасности, когда существует вероятность того, что организация будет закрыта, если деятельность организации, включая источники ее финансирования, перестанет удовлетворять государство. Поправки в ряд законов и введение новых, например так называемого закона "о нежелательных иностранных и международных организациях", привело к ограничению деятельности или уходу из России многих гуманитарных международных организаций и фондов. На сегодняшний момент государство является фактически монопольным регулятором публичной сферы, жестко задавая рамки того, кто, на каких условиях, и с каким посылом будет в нее допущен.

В то же время с середины 2000-х годов происходит беспрецедентная политизация приватного²². Консервативный поворот с биополитической повесткой наделяют частную жизнь сверхзначением в процессе конституирования легитимных субъектов/граждан²³. Выстраивание многих аспектов приватной жизни, например сексуальности, как социальной проблемы в контексте национальной идентичности и национальной безопасности²⁴ приводит к ужесточению регуляции как самой сексуальности, так и репродукции, семейной организации, воспитания детей. Под контроль как самого государства, так и про-

²⁰ Гельман В. «Недостойное правление»: политика в современной России. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – с. 10.

²¹ Johnson J. E., Kulmala M., Jäppinen M. Street-level practice of Russia's social policymaking in Saint Petersburg: federalism, informal politics, and domestic violence// *Journal of Social Policy*. 2016. Vol. 45. No. 2. P. 287–304.

²² Temkina A., Zdravomyslova E. Gender's crooked path: Feminism confronts Russian patriarchy // *Current Sociology*. 2014. Vol. 62. No. 2. P. 253-270.; Rivkin-Fish, Michele R. 'From "Demographic Crisis" to "Dying Nation": the Politics of Language and Reproduction in Russia'// Goscilo, H. and Lanoux, A. (eds.), *Gender and National Identity in Twentieth-century Russian Culture*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2006. P.151-173.

²³ Stella F., Nartova N. "Sexual Citizenship, Nationalism and Biopolitics in Putin's Russia"// Francesca Stella, Yvette Taylor, Tracey Reynolds and Antoine Rogers (eds.) *Sexuality, Citizenship and Belonging: Trans/national and Intersectional Perspectives*. London: Routledge, 2016. P. 17-36.; Темкина А. Советы гинекологов о контрацепции и планировании беременности в контексте современной биополитики// *Журнал исследований социальной политики*. 2013. Том. 11. № 1. С. 7–24.

²⁴ Stella F. *Lesbian Lives in Soviet and Post-Soviet Russia. Post/Socialism and Gendered Sexualities*. London, New York: Palgrave Macmillan, 2015. 192 p.

государственных частных и общественных инициатив попадают многие аспекты жизни: получение медицинской помощи, образование, коммуникация в социальных сетях, вероисповедание, участие в субкультурах и т.д. Так, Светлана Ерпылева говорит о том, что современная молодежь взрослеет в совершенно других условиях по сравнению даже с тем, как это было 10 лет назад, — в условиях «политизации повседневной рутины»²⁵.

Таким образом, в современной России со стороны государства можно наблюдать относительную де-политизацию публичной сферы в силу редукции демократических процессов и гомогенизации публичной риторики и политизацию приватной жизни как пространства, в котором конституируется моральное и биополитическое основание существующего политического режима. Это, в свою очередь, с одной стороны, усиливает «приватизацию политического» среди населения, которое дистанцируется от политики и фокусирует свои интересы на доме и работе²⁶, с другой — приводит к формированию так называемой «гражданской» политики / «“civic” politics», при которой потенциальным политическим значением наделяется гражданское участие²⁷.

Критика связи гражданства, гражданского вовлечения и политического участия в исследованиях молодежного участия приводит к расширению репертуара традиционных, во многом формализованных и универсалистских, завязанных на принадлежность к национальному государству категорий, таких как «гражданство» (citizenship) и «участие граждан» (citizens participation), более гибкими, динамичными и локализованными категориями понимания и реализации участия в жизни общества — «гражданская принадлежность» (civil affiliation), «гражданское участие» (civil engagement), «гражданская жизнь» (civil life)²⁸. В современных социологических исследованиях молодежи категории, связанные с «гражданством» (citizenship) и «гражданским» (civil) опытом, практически не разводятся и выступают как однопорядковые для анализа одного из аспектов интеграции молодежи в общество. Однако первые служат скорее для описания идеал-типических моделей, а вторые — для анализа повседневно производимых значений и реализуемых

²⁵ Erpyleva S. Active citizens under Eighteen: minors in political protests// *Journal of Youth Studies*, 2020. DOI: 10.1080/13676261.2020.1820973. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13676261.2020.1820973> (дата обращения: 14.04.2021).

²⁶ Clément K., Zhelnina A. Introduction to the Special Issue: Imagining a Link Between Local Activism and Political Transformation: Inventions from Russia and Eastern Europe// *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 2020. Vol. 33. No. 2. - p. 121.

²⁷ Zhuravlev O., Savelyeva N., Erpyleva S. The Cultural Pragmatics of an Event: the Politicization of Local Activism in Russia// *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 2020. Vol. 33. No. 2 P. 163–180.

²⁸ Harris A., Wyn J., Younes S. Young people and citizenship: An everyday perspective// *Youth Studies Australia*. 2007. Vol. 26. No. 3. P. 19-27.; Ekman J., Amna E. Political participation and civic engagement: towards a new typology // *Human affair*. 2012. Vol. 22. No. 3. P. 283–300.

практик. В диссертационном исследовании гражданственность²⁹ рассматривается как феномен, включающий в себя и производимые в повседневной жизни представления о гражданстве, и способы его реализации — гражданское социальное участие. Гражданство рассматривается как социально-конструируемая идея о соотношении индивидуального и общего/коммунитарного в рамках национального государства, включая понимание прав, ответственности, способов и пределов участия³⁰. Под гражданским социальным участием понимаются «индивидуальные и коллективные действия и практики, связанные с формированием общества, в котором индивиды хотят жить»³¹, реализуемые в повседневной жизни вне сферы формализованной политики.

Ключевой исследовательский вопрос диссертационного исследования — как и какая модель гражданственности формируется среди современной городской российской молодежи, имеющей опыт гражданского социального участия? Как молодые юноши и девушки понимают гражданство и как его реализуют? Каковы ограничения и перспективы такой модели гражданского участия?

В диссертационном исследовании предпринимается попытка ответить на эти вопросы на примере опыта молодежи г. Санкт-Петербурга.

Степень разработанности проблемы

Современный общественный и научный дебат рассматривает гражданственность как комплексный, многомерный и дискуссионный феномен. Исследования наглядно показывают, что понимания гражданства в теории и практике исторически изменчивы, контекстуально обусловлены и социально дифференцированы. Они зависят от геополитических и макроэкономических изменений так же, как от индивидуальных опытов и локальных ситуаций.

Во многом понимание гражданства во второй половине XX века определили работы Т.М. Маршалла, выделяющего и обсуждающего три его составляющие: гражданско-правовую, политическую и социальную³². Активная дискуссия о гражданстве началась в

²⁹ Паслер О.В. Идентификационные модели гражданственности студенческой молодежи Северного Кавказа // Теория и практика общественного развития. 2015. №22. URL: <http://www.teoria-practica.ru/vipusk-22-2015/> (дата обращения: 14.04.2021).

³⁰ Banaji, S. The trouble with civic: a snapshot of young people's civic and political engagements in twenty-first-century democracies// Journal of Youth Studies. 2008. Vol. 11. No. 5. – p. 544.; Bussemaker J., Voet R. Citizenship and gender: theoretical approaches and historical legacies// Critical social policy. 1998. Vol. 18. No. 3. P. 277-307.

³¹ Vromen, A. 'People Try to Put Us Down ...': Participatory Citizenship of 'Generation X'// Australian Journal of Political Science. 2003. Vol. 38. No 1. P. 82–83.

³² Маршалл Т.Х. Гражданство и социальный класс// Капустин, Б. Г. Гражданство и гражданское общество — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011. - с. 154.

80–90-х гг. XX века³³, когда, как отмечает Б. Капустин, рост миграционных потоков и глобализация проблематизировали «национальное гражданство», кризис государства всеобщего благосостояния вынудил пересматривать «социальное гражданство», а «дисфункция представительной демократии» поставили новые вопросы о «политическом гражданстве»³⁴.

Указанные процессы и необходимость пересматривать устойчивые подходы и понимания в значительной мере затронули и молодежные исследования, в первую очередь в отношении «политического гражданства» как пути интеграции молодежи в общество и ее способности влиять на него. Общее снижение формального политического участия среди молодежи и нарождающиеся моральные паники о негражданственности и аполитичности молодых способствовали поиску ответов на вопрос, что происходит с молодежной гражданственностью. Так, Р.Х. Кимберли³⁵ выделил 4 доминирующих объяснительных модели молодежного неучастия в дискуссии рубежа веков: «молодежецентричное» объяснение связывает неучастие молодежи с ее социальным бэкграундом, ее навыками и компетенциями, «политикоцентричное» объяснение проблематизирует структурные ограничения в доступе к участию, интерпретация «альтернативных ценностей» говорит о том, что молодежь исключается из большой политики в силу наличия других интересов и ценностей, а «поколенческое» объяснение связывает низкое гражданско-политическое участие молодежи с изменившимися условиями транзичии во взрослость. Однако ни одна из этих моделей, по мнению Кимберли, не являлась самодостаточной. Вопрос о поиске новых перспектив в понимании гражданственности молодежи остается³⁶.

Поиск новых путей анализа происходит сопряженно по трем ключевым осям: (1) методологический сдвиг к качественным исследованиям и изучению повседневного опыта; (2) концептуальный уход от узкого понимания политического как формально-административной сферы к широкому полю вопросов, затрагивающих социальные изменения; и (3) расширение спектра понимаемых как гражданское участие практик и опытов.

³³ Капустин, Б. Г. Гражданство и гражданское общество — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011. - с. 141.

³⁴ Там же. С. 141.

³⁵ Kimberlee R. H. Why don't British young people vote at general elections?// Journal of Youth Studies. 2002. Vol 5. No. 1. P. 86–98.

³⁶ Ibid. P. 96.

Так, значимое влияние на дискуссию оказали выполненные в качественной методологии работы Р. Листер³⁷ и коллег, С. Миллер-Идрисс³⁸, которые, исследуя британскую и немецкую молодежь соответственно, показали, что для молодежи в повседневной жизни гражданство наполнено множественными, зачастую противоречивыми, значениями. Однако наряду с «традиционными» формальными параметрами, оно включает активный действенный компонент социального участия в широком смысле этого слова. Исследования А. Харрис³⁹ и коллег показали, что австралийская молодежь реализует свое гражданство в первую очередь не через формальное политическое участие, а через повседневное социальное взаимодействие и вовлечение на уровне близкого круга: семьи, групп сверстников, соседства. Х.Р. Банг⁴⁰ указывает, что молодежь является рефлексивной, критичной и компетентной в отношении политики, процессов в обществе, социальных проблем и в то же время действует в рамках повседневной жизни, опираясь на свой опыт и возможности, вырабатывая свои способы, что определяет ее как «повседневных деятелей» (“everyday makers”).

Н. Маннинг⁴¹ указывает, что молодежь формирует гражданское участие через микрополитизацию повседневной жизни, размывая границы между публичным и приватным. Молодое поколение персонифицирует политику, отстаивая свое видение и разнообразие образов жизни, вкусовых предпочтений, потребления и т.д.⁴² Молодежь проявляет активность и включается в значимые для нее пространства — досуга, культуры, потребления, экологии. Б. Бергер⁴³, следом и М. Свенингсон⁴⁴ особенно подчеркивают, что молодежь формирует свою повестку, лежащую вне интересов формальной политики, но включающую вопросы, объединяющие политические, социальные и моральные аспекты, такие как идентичность, моральный порядок, справедливость, окружающая среда.

³⁷ Lister R., Smith N., Middleton S., Cox L. Young People Talk about Citizenship: Empirical Perspectives on Theoretical and Political Debates// *Citizenship Studies*. 2003. Vol. 7. No. 2. P. 235–253.

³⁸ Miller-Idriss C. Everyday Understandings of Citizenship in Germany// *Citizenship Studies*. 2006. Vol. 10. No. 5. P. 541–570.

³⁹ Harris A., Wyn J. Young People's Politics and the Micro-Territories of the Local// *Australian Journal of Political Science*. 2009. Vol. 44. No. 2. P. 327–344.

⁴⁰ Bang H. P. Among everyday makers and expert citizens//Newman, J. (ed.) *Remaking Governance*. Bristol: Policy Press, 2005. P. 159-179.

⁴¹ Manning N. 'I mainly look at things on an issue by issue basis': Reflexivity and phronêsis in young people's political engagements// *Journal of Youth Studies*. 2013. Vol. 16. No. 1. - p. 18.

⁴² Например: Threadgold S. Youth, class and everyday struggles. London, New York: Routledge, 2018. 260 p.; Harris A., Rose J. DIY citizenship amongst young Muslims: experiences of the 'ordinary'// *Journal of Youth Studies*. 2014. Vol. 17. No. 6. P. 794-813.; Harris A. Young Women, Late Modern Politics, and the Participatory Possibilities of Online Cultures// *Journal of Youth Studies*. 2008. Vol. 11. No. 5. P. 481–95.; Stevenson N. Cultural Citizenship in the “Cultural” Society: a Cosmopolitan Approach // *Citizenship Studies*. 2003. Vol. 7. No. 3. P. 331–348.

⁴³ Berger B. Political Theory, Political Science, and the End of Civic Engagement// *Perspectives on Politics*. 2009. Vol. 7. No. 2. P. 335-350.

⁴⁴ Sveningsson M. 'I Wouldn't Have What It Takes': Young Swedes Understandings of Political Participation // *Young*. 2015. Vol. 24. No. 2. P. 139–156.

Новые формы гражданственности влекут за собой и исследования новых форм гражданского и социального участия молодежи. Молодежь значительно расширяет репертуар способов вовлеченности и действия: от благотворительных пожертвований — до развития сообщества, от подписания петиций — до перформансов, от семинаров — до волонтерства⁴⁵. Критически осмысляя современный дебат о гражданственности, Й. Экман и Э. Амна⁴⁶ приходят к выводу, что наряду с традиционным манифестным «политическим участием», предполагающим формальное политическое поведение или участие в протестных действиях, современная гражданственность включает и другие формы, такие как социальная гражданская вовлеченность и участие. Гражданское социальное участие, не являясь по форме традиционно политическими, тем не менее может потенциально влиять и на сферу формальной политики, и на процесс социальных трансформаций, что позволяет исследователям определять его как латентное политическое⁴⁷ участие или предполитическое участие, стимулирующее и облегчающее последнее⁴⁸. Различные аспекты гражданского социального участия: от рефлексивного внимания к социальным проблемам, участия в жизни общества / сообщества / сцены до индивидуальных и коллективных действий, направленных на социальные изменения, оказываются тесно переплетенными в повседневной жизни молодежи⁴⁹.

А. Харрис с коллегами указывают на необходимость перехода в исследованиях молодежной гражданственности от тезиса «гражданского дефицита» к тезису «новой вовлеченности»⁵⁰. Расширение социологической оптики и рассмотрение повседневного опыта в качественной методологии позволяет увидеть новые смыслы, вкладываемые в участие, такие как удовольствие и эмоциональные переживания⁵¹, отказ от участия как рефлексивную позицию, и, конечно, формирование моделей более инклюзивной гражданственности⁵².

⁴⁵ Adler R. P., Goggin J. What Do We Mean By “Civic Engagement”? // Journal of Transformative Education. 2005. Vol. 3. No.3. P. 236-253.

⁴⁶ Ekman J., Amna E. Political participation and civic engagement: towards a new typology // Human affairs. 2012. Vol. 22. No. 3. P. 283-300.

⁴⁷ Ibid. P. 292.

⁴⁸ Berger B. Political Theory, Political Science, and the End of Civic Engagement// Perspectives on Politics. 2009. Vol.7. No. 2. - p. 342.

⁴⁹ Ekman J., Amna E. Political participation and civic engagement: Towards a new typology // Human affairs. 2012. Vol. 22 No. 3. P. 283-300.; Adler R. P., Goggin J. What Do We Mean By “Civic Engagement”? // Journal of Transformative Education. 2005. Vol. 3 No. 3. P. 236-253.; Banaji S. The trouble with civic: a snapshot of young people's civic and political engagements in twenty-first-century democracies // Journal of Youth Studies. 2008. Vol. 11 No. 5. P. 543-560.

⁵⁰ Harris A., Wyn J., Younes S. Young people and citizenship: An everyday perspective// Youth Studies Australia. 2007. Vol. 26. No. 3. P.19-27.

⁵¹ Riley S., More Y., Griffin C. The “pleasure citizen”: Analyzing partying as a form of social and political participation// Young. 2010. Vol. 18. No. 1. P. 33–54.

⁵² Lister R. Inclusive Citizenship: Realizing the Potential// Citizenship Studies. 2007. Vol. 11. No.1. P. 49–61.

В российской академической дискуссии гражданственность молодежи преимущественно рассматривается с общетеоретических позиций, связывается с духовно-нравственными характеристиками личности и патриотизмом, которые, в свою очередь, по мнению многих авторов, необходимо воспитывать⁵³. Однако в социологических эмпирических исследованиях последних лет проявляется более сложная и гетерогенная картина. Количественные исследования отмечают снижение участия в формальной политике, но расширение других форм социального участия молодежи⁵⁴ и интерес молодежи к социально-политическим проблемам⁵⁵. О. Паслер⁵⁶ на результатах количественного обследования среди участников Всекавказского молодежного форума «Машук-2015» выделяет три модели демонстрирования гражданственности молодежью: активная, ангажируемая и абсентеистская. В. Маленков и Н. Мальцева⁵⁷ указывают, что среди тюменской молодежи доминирует традиционалистская модель патриотизма, а не гражданская, что связывается ими с доминирующим государственным милитаризованным дискурсом патриотизма. Е. Омельченко и Х. Пилкинтон с коллегами⁵⁸ показывают, что патриотизм неоднозначно воспринимается молодежью, которая не только воспроизводит доминирующие риторики, но и активно сопротивляется им, создавая собственные интерпретации и способы бытования патриотом и гражданином. Исследователи молодежи, участвовавшей в протестных акциях, говорят о высокой гражданской рефлексии молодых и их протестной настроенности⁵⁹. В то же время

⁵³ Например: Гражданственность личности в условиях изменяющегося мира: от протестной к созидательной активности: сб. научных статей Междунар. науч.-практ. конф., 22-23 октября 2015 г. / редкол.: С. И. Беленцов (отв. ред.) [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2015. 430 с.; Лубский А., Мамина Д. Гражданственность в молодежной среде как предмет теоретико-методологического дискурса // Социально-гуманитарные знания. 2019. №7. С. 69–78; Семенова Ю. Кризис гражданской идентичности в условиях трансформации современного общества// Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. Т. 113. №. 07. С. 87-92.; Гаврилюк В., Маленков В. Гражданственность, патриотизм и воспитание молодежи // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 44-50.

⁵⁴ Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Пипия К., Рысева А. «Поколение Z»: молодежь времен путинского правления// Вестник общественного мнения. 2020. № 1-2 (130). С. 21–121.

⁵⁵ Маршак А., Рожкова Л. Политический и гражданский потенциал молодежи Поволжья и Крыма в современных условиях // Власть. 2020. №3. С. 98-109.

⁵⁶ Паслер О.В. Идентификационные модели гражданственности студенческой молодежи Северного Кавказа // Теория и практика общественного развития. 2015. №22. URL: <http://www.teoria-practica.ru/vipusk-22-2015/> (дата обращения: 14.04.2021).

⁵⁷ Маленков В., Мальцева Н. Гражданственность и патриотизм в представлениях постсоветского поколения// Социология. 2020. №5. С. 152–162.

⁵⁸ С чего начинается Родина: молодежь в лабиринтах патриотизма / Науч. ред.: Е. Л. Омельченко, Х. Пилкинтон. Ульяновск : Ульяновский государственный университет, 2012. 320 с.

⁵⁹ Борусяк Л. «Я же не овощ, который сидит за компом и жалуется на власть, я – гражданин». Анализ мотивации и гендерных особенностей участия молодежи в протестных акциях 2017 года// Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2018. № 3 (119). С. 153-168.; Erpyleva S. Active citizens under Eighteen: minors in political protests// Journal of Youth Studies, 2020. DOI: 10.1080/13676261.2020.1820973. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13676261.2020.1820973> (дата обращения: 14.04.2021).

Е. Великотня с коллегами⁶⁰, опросившие старшеклассников в Свердловской области, отмечают, что даже у имеющих запросы на социально-гражданскую активность подростков нет понимания, как они ее могут реализовать, кроме активности в социальных сетях. Э. Ариф⁶¹ и Д. Литвина⁶² в своих работах показывают, как потребление становится пространством гражданского и шире — политического выражения. А Д. Кривонос⁶³ в исследовании участников движения «Наши» демонстрирует, что даже насаждаемая прогосударственная повестка переопределяется и реинтерпретируется активистами в контексте своих биографий.

Таким образом, поиски социологических ответов на вопросы о гражданственности молодежи являются одними из актуальнейших в исследованиях молодежи, особенно в России, в которой нормы, формы и словари гражданского / политического / социального коллективного и индивидуального проживания интенсивно определяются и переопределяются на протяжении последних трех десятилетий, а культурные различия поколений могут достигать значения «разрывов».

Цели и задачи исследования

Цель диссертационного исследования — выявление, анализ и концептуализация формируемой в повседневной жизни модели гражданственности российской городской молодежи, имеющей опыт социального участия (случай Санкт-Петербурга).

Задачи:

- 1) адаптировать и расширить концепцию гражданственности применительно к анализу повседневного опыта молодежи;
- 2) выявить доминирующие представления о гражданстве среди городской молодежи;
- 3) реконструировать основные способы реализации гражданства как социального включения молодежи в повседневной жизни;
- 4) проанализировать ограничения реализуемой модели гражданственности для социального включения молодежи и потенциальных социальных изменений в обществе.

Теоретико-методологические основания исследования

⁶⁰ Великотня Е., Задворняк А., Черепанова Е. Социально ориентированные некоммерческие организации и молодежные объединения как фактор формирования гражданственности молодежи // Манускрипт. 2020. №5. С. 119-125.

⁶¹ Ариф Э. Потребление в среде молодых активистов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 66-83.

⁶² Литвина Д. (Без)денежное потребление в среде антикапиталистически настроенной молодежи: опыт полевого исследования анархистов // Этнографическое обозрение. 2014. № 1. С. 47-60.

⁶³ Krivonos, D. State-managed Youth Participation in Russia: The National, Collective and Personal in Nashi Activists' Narratives// Anthropology of East Europe Review, 2015. Vol. 33. No.1. P. 44–58.

Объект и предмет исследования

Теоретическим объектом диссертационного исследования выступает категория гражданственности. В современных исследованиях молодежи гражданственность разрабатывается как аналитическая категория, позволяющая уловить как статический (нормативно-ценностные представления), так и динамический (практики) характер социального включения⁶⁴. Гражданственность включает в себя представление о гражданстве и способы его реализации в наличествующих структурных условиях.

В качестве *эмпирического объекта* исследования выступает молодежь в возрасте от 18 до 35 лет, проживающая в Санкт-Петербурге и имеющая опыт гражданского социального участия.

Предметом диссертационного исследования являются формы гражданственности, складывающиеся среди социально включенной городской молодежи.

Личный вклад автора в разработку проблемы и сбор данных

Диссертационное исследование выполнено на материалах трех коллективных проектов⁶⁵, реализованных на базе Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ – СПб под руководством доктора социологических наук Омельченко Елены Леонидовны. Проект «Гражданственность молодежи России: современные смыслы и практики» был реализован в 2013 году. Проекты «Продвижение молодежного участия и социального включения: возможности и вызовы в контексте межпоколенческих отношений» и «Продвижение молодежного участия и социального включения: анализ молодежных активистских инициатив и сообществ Санкт-Петербурга» были выполнены в рамках консорциума по международному проекту «PROMoting youth Involvement and Social Engagement: opportunities and challenges for 'conflicted' young people across Europe»⁶⁶ в 2016 и в 2017 гг. соответственно.

⁶⁴ Lister R., Smith N., Middleton S., Cox L. Young People Talk about Citizenship: Empirical Perspectives on Theoretical and Political Debates// Citizenship Studies. 2003. Vol. 7. No. 2. P. 235–253.; Miller-Idriss C. Everyday Understandings of Citizenship in Germany// Citizenship Studies. 2006. Vol. 10. No. 5. P. 541–570.; Harris A., Wyn J., Younes S. Young people and citizenship: An everyday perspective// Youth Studies Australia. 2007. Vol. 26. No. 3. P. 19-27.; Pilkington H., Pollock G. 'Politics are bollocks': youth, politics and activism in contemporary Europe // The Sociological Review. 2015. Vol. 63, № S2. P. 1–35.

⁶⁵ Все проекты поддержаны Научным фондом НИУ ВШЭ

⁶⁶ 'PROMoting Youth Involvement and Social Engagement: Opportunities and Challenges for "Conflicted" Young People across Europe' (European Commission's Horizon 2020 Research and Innovation Programme, Grant Agreement no. 693221, 2016 – 2019 гг., рук. Джо Докин)

В указанных коллективных проектах автор участвовала во всех этапах разработки и реализации исследований как исследователь (2013, 2016–2017 гг.) и как координатор (2017 г.): разработка программы исследования, разработка теоретико-методологических оснований исследований, разработка инструментов исследования, сбор эмпирического материала, анализ эмпирического материала, подготовка отчетов и представление результатов исследования в научных статьях и на научных конференциях.

Несмотря на то что все проекты были коллективными, в рамках каждого автор также занималась более узкой темой, связанной с конструированием и реализацией гражданственности и социального включения молодежи. Так, в проекте 2013 года автор исследовала субъективные смыслы и понимания гражданства молодыми профессионалами, в проекте 2016 года занималась межпоколенческим сравнительным анализом представлений о гражданстве, в 2017 году была вовлечена в исследование сцены ВИЧ-активизма в Санкт-Петербурге.

В 2018 году в рамках проекта ЦМИ под руководством Е.Л. Омельченко «Продвижение молодежного участия и социального включения: анализ инновативного молодежного активизма в Европе и России» (в консорциуме по проекту «PROMoting youth Involvement and Social Engagement: opportunities and challenges for 'conflicted' young people across Europe») автор диссертации принимала участие в междисциплинарном анализе кейсов России, Германии, Хорватии и Португалии методом мета-этнографического синтеза, что позволило не только дополнительно проработать собранный в 2017 году эмпирический материал, но и увидеть общее в опыте, практиках и интерпретациях молодежи России и стран Европы⁶⁷.

Теоретическая база исследования

Диссертационное исследование выполнено в рамках концептуального поля исследований гражданственности, политического и социального участия молодежи в повседневной жизни.

Исследования молодежи последних лет показывают, что молодежь не аполитична и антиполитична, но разочарована в традиционных путях политического участия и действиях политических институтов⁶⁸. Современная молодежь, даже имея политические, гражданские

⁶⁷ Nartova N., Shilova N. Cluster Analysis: Cluster 4: Gender/Sexuality// PROMISE: Promoting Youth Involvement and Social Engagement: Opportunities and challenges for conflicted young people across Europe. WP6: From Conflict to Innovation: Ethnographic Case Studies. 2019. URL: <http://www.promise.manchester.ac.uk/wp-content/uploads/2019/04/Cluster-4-analysis-Final-individual-report.pdf> (дата обращения: 14.04.2021).

⁶⁸ Pilkington H., Pollock G. 'Politics are bollocks': youth, politics and activism in contemporary Europe // The Sociological Review. 2015. Vol. 63, № S2. P. 1–35.

и социальные запросы, предпочитает избегать традиционных каналов участия, поскольку считает, что формальная политика остается глухой к их проблемам. Б. Камматс с коллегами пишут, что «большинству молодых людей не наскучила политика, но они часто считают, что те, кто “занимаются” политикой, не представляют их и не беспокоятся о них»⁶⁹. Государственные институты и молодежная политика формируют молодежную повестку исходя из собственных интересов, не решая актуальные для молодого поколения вопросы. Молодежь рассматривается либо как ресурс, который необходимо мобилизовать и встроить в существующий социальный порядок, исходя из представления «взрослых», без учета глобальных социальных сдвигов и изменений в жизненных курсах. Либо, в силу поколенческих различий, молодежь рассматривается как неизвестная, а потому непредсказуемая и, как следствие, опасная часть населения, которую необходимо взять под контроль. В силу таких взглядов инициативы и выборы самой молодежи зачастую маргинализируются и стигматизируются в качестве девиантных.

При этом необходимо учитывать, что современная молодежь взрослеет в обществе, переживающем серьезные экономические, социальные, политические трансформации и существенным образом отличающемся от общества, в котором росли предыдущие поколения. Проблемы экономической безопасности в глобальном мире, деиндустриализация, сужение возможностей социальной мобильности становятся серьезным барьером к привычному гражданскому участию, поскольку приоритетом молодых становится добывание средств к существованию через сосредоточение усилий на учебе и работе⁷⁰. В то же время изменение жизненного курса, связанное с пролонгацией взросления, дает бóльший ресурс «биографической доступности» различных способов социального включения для молодежи, чем для других возрастных групп⁷¹. Живя в индивидуализированном, быстро меняющемся, с ограниченными горизонтами

⁶⁹ Cammaerts B., Bruter M., Banaji S., Harrison S., Anstead N. The Myth of Youth Apathy: Young Europeans' Critical Attitudes Toward Democratic Life// *American Behavioral Scientist*. 2014. Vol. 58. No. 5. – p. 650.

⁷⁰ Harris A., Wyn J., Younes S. Beyond apathetic or activist youth 'Ordinary' young people and contemporary forms of participation// *Young*. 2010. Vol. 18. No.1. – p.12.

⁷¹ Milkman R. (2017) A New Political Generation: Millennials and the Post-2008 Wave of Protest// *American Sociological Review*. 2017. Vol. 82. No. 1. – p.3.

планирования мире, молодежь вынуждена рефлексивно создавать не только свои жизненные проекты⁷², но и «новую биографию гражданства»⁷³.

В то же время именно молодежь во многом воплощает ценностный сдвиг от материалистических к постматериалистическим ценностям⁷⁴. Молодежь формирует свою повестку, с одной стороны, лежащую вне интересов формальной политики, с другой стороны, включающую вопросы, объединяющие политические, социальные и моральные аспекты⁷⁵, такие как права человека, проблемы окружающей среды, моральный порядок, идентичности⁷⁶. Молодое поколение персонифицирует политику, отстаивая свое видение и разнообразие образов жизни, вкусовых предпочтений, потребления и т.д.⁷⁷ Таким образом, молодежь формирует гражданское участие, размывая границы между приватным и публичным, через политизацию морали и микрополитизацию повседневной жизни⁷⁸.

Это приводит к тому, что молодежь значительно расширяет репертуар форм вовлеченности и действия: от благотворительных пожертвований — до развития сообществ, от подписания петиций — до перформансов, от семинаров — до волонтерства⁷⁹. Молодежь создает новые типы солидарностей, выстраивая их как автономные коммуникационные пространства, основанные на горизонтальных связях и чувствительные к индивидуальным опытам⁸⁰. При этом молодежь зачастую отказывается от поиска консенсуса, который понимается ими в качестве гомогенизирующего и универалистского дискурса доминирующих политических режимов, и рассматривает свои социальные пространства как возможность для выражения различных точек зрения, споров, несогласия

⁷² Woodman D., Leccardi C. Generation, transitions, and culture as practice: a temporal approach to youth studies// *Youth cultures, transitions, and generations. Bridging the gap in youth research/* Ed. by Woodman D., Bennet A. - Hampshire, New York: Palgrave Macmillan, 2015. P. 56-68.; Leccardi C. Changing time experience, changing biographies and new youth values// *Youth Policy in a Changing World. From Theory to Practice/* Ed. by Hahn-Bleibtreu M., Molgat M. - Opladen, Berlin, Toronto: Barbara Budrich Publishers, 2012. P. 225-237.; Beck U., Beck-Gernsheim E. Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences. - London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage, 2002. 221 p.

⁷³ Harris A., Wyn J., Younes S. Beyond apathetic or activist youth 'Ordinary' young people and contemporary forms of participation// *Young*. 2010. Vol. 18. No.1. - p.13

⁷⁴ Inglehart R. Values, ideology and cognitive mobilization// R. Dalton, M. Kuechler(Eds) *Changing the Political Order: New Social Movements in Western Democracy*. Oxford: Polity Press, 2009. P. 43-66.

⁷⁵ Berger B. Political Theory, Political Science, and the End of Civic Engagement// *Perspectives on Politics*. 2009. Vol. 7. No. 2. P. 335-350.

⁷⁶ Sveningsson M. 'I Wouldn't Have What It Takes': Young Swedes Understandings of Political Participation // *Young*. 2015. Vol. 24, № 2. P. 139–156.

⁷⁷ Harris A., Wyn J., Younes S. Beyond apathetic or activist youth 'Ordinary' young people and contemporary forms of participation// *Young*. 2010. Vol. 18. No. 1. P. 9–32.

⁷⁸ Manning N. 'I mainly look at things on an issue by issue basis': Reflexivity and phronêsis in young people's political engagements// *Journal of Youth Studies*. 2013. Vol. 16. No. 1.- p.18.

⁷⁹ Adler R. P., Goggin J. What Do We Mean By "Civic Engagement"? // *Journal of Transformative Education*. 2005. Vol. 3. No. 3. P. 236-253.

⁸⁰ Pilkington H., Pollock G. 'Politics are bollocks': youth, politics and activism in contemporary Europe // *The Sociological Review*. 2015. Vol. 63, № S2. - p.8

и конфликтов⁸¹, формируя пространства, которые более не однородные или централизованные, а фрагментированные, гетерогенные, включающие неравенства и конкуренцию⁸². При этом новые молодежные гражданские солидарности предполагают включение не только «новых», ранее исключенных, групп, например девушек и молодых женщин, но и вовлеченность разной степени интенсивности⁸³.

Оспаривая тезис об апатии и инфантильности молодого поколения, исследователи подчеркивают, что молодежь является критичной и рефлексивной к происходящему вокруг. При этом вовлечение строится не только на рациональной оценке ситуации, но и на моральной и эмоциональной включенности⁸⁴. В этом контексте социологи молодежи говорят о необходимости признания права «на неучастие», поскольку отказ от участия зачастую является не апатией или аполитичностью, а рефлексивным выбором⁸⁵.

В результате молодежь выстраивает собственные модели гражданства, реализуемые в повседневной жизни, опирающиеся на ее личный опыт и возможности: изменяемые, открытые, рефлексивные. Исследователи концептуализируют такие формы гражданства как «культурное»⁸⁶, «DYI – гражданство»⁸⁷, ‘self-actualizing гражданство’⁸⁸, а саму молодежь как «повседневные деятели» / ‘everyday makers’⁸⁹. Такие формы гражданства становятся более сенситивными и инклюзивными⁹⁰, давая молодым возможность как для индивидуальных, так и для коллективных путей решения общих проблем⁹¹. И здесь важно подчеркнуть, что повседневное гражданское участие и вовлеченность представляют собой латентное политическое участие⁹². Не являясь по форме традиционно политическими, они

⁸¹ Ibid. P. 9.

⁸² Kenny S. Community development today: engaging challenges through cosmopolitanism? // *Community Development Journal*. 2016. Vol. 51. No. 1. P. 23–41.

⁸³ Pilkington H., Acik N. Not Entitled to Talk: (Mis)recognition, Inequality and Social Activism of Young Muslims// *Sociology*. 2020. Vol. 54. No.1. P. 181– 198.; Harris A. Young Women, Late Modern Politics, and the Participatory Possibilities of Online Cultures// *Journal of Youth Studies*. 2008. Vol. 11. No. 5. P. 481–95.

⁸⁴ Manning N. ‘I mainly look at things on an issue by issue basis’: Reflexivity and phronêsis in young people's political engagements// *Journal of Youth Studies*. 2013. Vol. 16. No. 1. P. 17–33.

⁸⁵ Cammaerts B., Bruter M., Banaji S., Harrison S., Anstead N. ‘The Myth of Youth Apathy: Young Europeans’ Critical Attitudes Toward Democratic Life’// *American Behavioral Scientist*. 2014. Vol. 58. No. 5. P.645–664.

⁸⁶ Stevenson N. Cultural Citizenship in the “Cultural” Society: a Cosmopolitan Approach // *Citizenship Studies*. 2003. Vol. 7. No. 3. P. 331–348.

⁸⁷ Harris A., Roose J. DIY citizenship amongst young Muslims: experiences of the ‘ordinary’// *Journal of Youth Studies*. 2014. Vol. 17. No. 6. P. 794–813.

⁸⁸ Bennett W. L., Wells C., Rank A. Young citizens and civic learning: two paradigms of citizenship in the digital age// *Citizenship Studies*. 2009. Vol. 13. No. 2. P. 105–120.

⁸⁹ Bang H. P. ‘Among everyday makers and expert citizens’//Newman, J. (ed.) *Remaking Governance*. Bristol: Policy Press., 2005. P. 159–179.

⁹⁰ Lister R. Inclusive Citizenship: Realizing the Potential // *Citizenship Studies*. 2007. Vol. 11. No. 1. P. 49–61.

⁹¹ Rheingans R., Hollands R. ‘There is no alternative?’: challenging dominant understandings of youth politics in late modernity through a case study of the 2010 UK student occupation movement// *Journal of Youth Studies*. 2013. Vol. 16. No. 4. P. 546–564.

⁹² Ekman J., Amna E. Political participation and civic engagement: towards a new typology // *Human affairs*. 2012. Vol. 22. No. 3. P. 283–300.

тем не менее могут потенциально влиять и на сферу формальной политики, и на процесс социальных трансформаций. При этом Пилкинтон и Поллок отмечают, что приватизированное индивидуализированное участие требует меньше затрат с точки зрения стоимости участия и публичной видимости, что в свою очередь может снижать значимость неконвенционального участия молодежи как гражданского участия, в том числе и для самих молодых людей⁹³.

Таким образом, современная социологическая дискуссия задает рамку диссертационного исследования — изучение гражданственности молодежи с перспективы самой молодежи, принимая во внимание противоречивый контекст их жизни. Обращение к повседневности позволяет выйти за рамки предписанного теорией политических возможностей анализа структуры формальной институализированной политики и участия / неучастия молодежи в ней⁹⁴ и увидеть новые представления о гражданстве, многообразие форм участия, нарождающихся и распадающихся солидарностей, конфликтов и конвенций.

Методология и методы исследования

Диссертационное исследование базируется на ряде исследований, проведенных Центром молодежных исследований Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге в период с 2013 по 2017 годы. Это дает возможность привлечь больше материала для анализа, и увидеть не одномоментный срез, а более объемную картину представлений о гражданстве и способах его реализации, сложившихся у городской молодежи в последнее десятилетие.

В диссертационном исследовании используются эмпирические данные проекта «Гражданственность молодежи России: современные смыслы и практики» (проект поддержан научным фондом НИУ ВШЭ, 2013) и двух проектов, выполненных в рамках большого международного проекта «PROMoting youth Involvement and Social Engagement: opportunities and challenges for 'conflicted' young people across Europe», реализуемого в рамках программы Horizon 2020 в 2016–2019 гг.: проекта «Продвижение молодежного участия и социального включения: возможности и вызовы в контексте межпоколенческих отношений» (научный фонд НИУ ВШЭ, 2016) и «Продвижение молодежного участия и социального включения: анализ молодежных активистских инициатив и сообществ Санкт-Петербурга» (научный фонд НИУ ВШЭ, 2017)⁹⁵.

⁹³ Pilkington H., Pollock G. 'Politics are bollocks': youth, politics and activism in contemporary Europe // The Sociological Review. 2015. Vol. 63. № S2. – p.4.

⁹⁴ Milkman R. A New Political Generation: Millennials and the Post-2008 Wave of Protest// American Sociological Review. 2017. Vol. 82. No. 1. P. 1–31.

⁹⁵ Необходимо отметить, что все проекты реализовывались командами исследователей, поэтому, нюансы коммуникации исследователь-информант отличались от интервью к интервью в силу личностных особенностей исследователей. Но все исследователи реализовывали неон-дискриминационную, субъект-

Диссертационное исследование проводилось в городе Санкт-Петербурге, втором по значимости и величине городе в России. Санкт-Петербург — мегаполис, с населением порядка 5,5 миллионов человек, являющийся точкой притяжения для образовательной и трудовой миграции. Как любой крупный город, Санкт-Петербург культурно и социально-экономически гетерогенен, позволяет реализовывать различные стили жизни, дает ресурсы для новых опытов и инициатив. В то же время, являясь «северной столицей», он вписан во все доминирующие социальные и политические процессы, находясь под пристальным взглядом федеральных властей.

Диссертационное исследование выполнено в качественной методологии. Основным методом исследования является биографическое интервью, потому что именно биографические интервью позволяют понять индивидуальный опыт молодежи, ее собственную перспективу. Дополнительными методами исследования являются включенное наблюдение молодежных сцен и биографические интервью с родителями молодежи. Для работы с транскриптами интервью в диссертационном исследовании использовался тематический анализ, позволяющий выделять общие элементы среди нарративов: реконструировать общие темы, события и доминирующие типы их интерпретации⁹⁶.

Диссертационное исследование реализовывалось в несколько этапов. Задачей первого этапа в 2013 г. было выявление спектра представлений о гражданстве и способах его реализации среди городской молодежи. Для этого было собранно 35 интервью с «молодыми профессионалами» в Санкт-Петербурге — молодежью в возрасте от 22 до 30 лет с высшим образованием, занятой в разных секторах экономики. Несмотря на то что наличие опыта социального гражданского участия не было критерием отбора информантов, в процессе интервью 14 человек рассказали о таковом. Анализ эмпирического материала показал, что наряду с эссенциализированными или формализованными представлениями о гражданстве (например, по месту рождения или по паспорту) и разочарованностью в традиционных формах политического участия (например, голосование или митинги) молодежь, в том числе и не имеющая в своем бэкграунде практик гражданского социального включения, артикулирует идею гражданства как активного действенного социального участия. Результаты данного этапа исследования представлены в публикациях:

субъектную и принимающую политику взаимодействия с информантами. В ходе реализации проектов все интервью записывались на диктофон, транскрибировались и анонимизировались. Все имена информантов заменены на псевдонимы.

⁹⁶ Riessman, Catherine Kohler Narrative Analysis// Kelly N., Horrocks C., Milnes K., Roberts B., Robinson D. (eds) Narrative, Memory and Everyday Life. Huddersfield: University of Huddersfield, 2005. P. 1–7.; Nartova N., Krupets Y., Shilova A. HIV Activism in Modern Russia: From NGOs to Community Development// Community development journal. 2020. Vol. 55. No. 3. – p. 8.

Krupets Y., Morris J., Nartova N., Omelchenko E., Sabirova G. Imagining young adults' citizenship in Russia: from fatalism to affective ideas of belonging // *Journal of Youth Studies*. 2017. Vol. 20. No. 2. P. 252–267.

Крупец Я. Н., Нартова Н. А., Омельченко Е. Л., Сабирова Г. А. Молодежь Санкт-Петербурга и Ульяновска: за пределами единой гражданской идентичности // В кн.: XV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х книгах / Отв. ред.: Е. Г. Ясин. Кн. 4. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. С. 479–487.

На втором этапе исследования в 2016 г. уточнялось доминирующее представление о гражданстве и его воплощении в повседневной жизни среди молодежи, имеющей опыт гражданского социального участия, и выявлялась специфика гражданственности молодежи по отношению к родительскому поколению. В этот период собирались интервью с петербургской молодежью, имеющей хоть какой-то опыт социального включения, при этом основным видом деятельности для которых были учеба или работа. Всего в выборку попало 28 юношей и девушек в возрасте от 18 до 26 лет, приблизительно в равной степени распределенных по разным сферам активизма (политический, креативный, городской, социально ориентированный). Для анализа нового и воспроизводимого в представлении о гражданстве и способах его реализации интервьюировались родители исследуемой молодежи. В родительском поколении были проинтервьюированы 25 женщин и 7 мужчин, большинство из которых имели высшее образование (25 чел.), средне-профессиональное получили 6 человек и один имел только школьное образование. Анализ качественных данных показал, что молодые петербуржцы выстраивают отличную от родителей модель гражданственности, деятельную включенность в социальные изменения в повседневном пространстве, в то время как для родителей гражданственность преимущественно определяется в морально-этических категориях и проявляется через ответственную трудовую деятельность. Результаты второго этапа исследования представлены в публикациях:

Нартова Н. А. Гражданственность в представлении петербургской молодежи и их родителей // *Социологические исследования*. 2019. Т. 45. № 12. С. 38–47.

Nartova N. Citizenship and social engagement of youth in the Putin era// *Youth in Putin's Russia/ Ed. by E. Omelchenko*. London, New York: Palgrave Macmillan, 2021 (в печати).

В рамках третьего этапа исследования в 2017 г. изучались основные способы реализации гражданства как социального включения молодежи в повседневной жизни методом кейс-стади. Для изучения в Санкт-Петербурге были отобраны сцена гражданских активистов за моральный порядок в городе, сцена гражданского оппозиционного активизма

(не партийного), ЛГБТИК сцена, феминистская сцена и сцена ВИЧ-активизма. Всего было собрано 67 глубинных биографических интервью с мужчинами и женщинами, участниками сцен в возрасте от 18 до 35 года. Дополнительно — интервью с 9 вовлеченными в сцены людьми в возрасте 36-40 лет и двумя старше 40. Информанты этого исследования были вовлечены в то или иное активистское поле, но на разных позициях: от волонтеров до руководителей НКО. Анализ полевого материала показал, что для социально включенной молодежи Санкт-Петербурга работа внутри сообщества и на сообщество является ключевой стратегией собственного социального участия и реализации гражданственности, что тем не менее несет в себе ряд ограничений для более широких социальных изменений.

Результаты данного этапа представлены в публикациях:

Nartova N., Krupets Y., Shilova A. HIV Activism in Modern Russia: From NGOs to Community Development // *Community development journal*. 2020. Vol. 55. No. 3. P. 419–436.

Nartova N. Citizenship and social engagement of youth in the Putin era // *Youth in Putin's Russia* / Ed. by E. Omelchenko. London, New York: Palgrave Macmillan, 2021 (в печати).

Таким образом, эмпирическую базу диссертационного исследования составляют 109 биографических интервью с молодежью г. Санкт-Петербурга в возрасте 18-35 лет, имеющей опыт гражданского социального участия. Среди информантов есть люди с университетским образованием, студенты и люди только со школьным образованием. Есть выходцы из высокодоходных и низкодоходных семей. Есть индивиды с опытом зависимости и криминальным прошлым. На момент проведения исследования часть информантов состояли в браке и имели детей, часть состояли в бездетных партнерствах, часть были холостыми / незамужними или самостоятельно воспитывали детей. Однако эта молодежь различается не только своим социально-экономическим бэкграундом и ценностными установками, но и разным опытом социального включения — от единичных случаев волонтерской деятельности до активного активистского участия. При этом общим для всех информантов является то, что их социальное включение происходит за пределами традиционных политических институтов (таких, например, как партии). Это позволяет, с одной стороны, преодолеть дихотомию пассивные / активные в изучении молодежи и рассматривать ее как составляющую континуума разных опытов и интенсивности участия. С другой — включить в анализ гражданского участия не только политических активистов, но и молодежь, дистанцирующуюся от прямой политически ориентированной деятельности. С третьей — выделить нарождающуюся конвенцию относительно понимания и интерпретации гражданства, а также основных путей его реализации среди городской молодежи в России, имеющей опыт социального включения в самых разных сферах.

Научный вклад исследования в развитие предметного поля и положения, выносимые на защиту

1. В заявляемом диссертационном исследовании впервые в российской социологии молодежи гражданственность исследуется как складывающаяся конвенция относительно интерпретации и реализации гражданства, формирующаяся в повседневной жизни за пределами институтов формальной политики и традиционных каналов гражданского политического участия. Такой подход позволил депроблематизировать молодежь как негражданственную, расширить основания для анализа гражданственности и выделить складывающуюся среди молодежи, имеющей опыт социального включения, модель гражданственности.
2. Диссертационное исследование показало, что молодежь является группой, которая, не только осваивает в процессе перехода во взрослость доминирующие нормы гражданственности, но и активно вовлечена в процесс создания представлений о гражданстве и способах его реализации, выстраивая собственную модель гражданственности, отличающуюся как от государственной, так и родительской моделей. Это в свою очередь приводит к формированию значительных поколенческих сдвигов в интерпретации гражданства.
3. Гражданственность российской молодежи формируется в специфических условиях взросления — социально-политическом контексте России 2000-2020-х гг., характеризующимся значительной редукцией доступных способов публичного гражданского участия. При этом молодежь, не становится аполитичной или негражданственной, она артикулирует идею активного деятельного гражданства и ищет новые каналы участия, влияния и солидаризации, в том числе в пространстве повседневной жизни.
4. Анализ обширного эмпирического материала показывает, что среди молодых горожан, имеющих опыт социального участия, складывается персонифицированная модель гражданственности, предполагающая активную личную вовлеченность (неравнодушие, ответственность, рефлексивность, критичность к происходящему вокруг) и деятельность в повседневной жизни (проявление активности в отношении других в пространстве, доступном молодым для изменений и влияния) — «повседневное гражданство заботы». Реализация такой модели гражданственности сопровождается для молодежи активностью по созданию и развитию сообществ, что дает ей чувство солидарности, принадлежности в условиях социально гетерогенного мира.

5. Диссертационное исследование показало, что объединение с близкими по духу и биографическому опыту позволяет молодежи создавать относительно безопасные пространства, поддерживать собственные идентичности и признавать имеющийся опыт. Однако создание малых групп приводит не только к конфликтам между ними, но и к невозможности более широкой солидаризации. Что в свою очередь сужает возможность выработки общих консенсусных стратегий, нацеленных на долгосрочную перспективу социальных изменений.

Основные результаты исследования

*Идея гражданственности: равнодушие, критичность, забота о других*⁹⁷

Девальвация политического и насаждение государственного патриотизма⁹⁸ как основной логики выражения принадлежности к государству, выражающейся в безусловной лояльности существующему строю, порождает среди молодежи критическое восприятие государственной риторики. При этом молодежь хочет сохранить за собой право активного, действенного гражданства. Именно поэтому, наряду с эссенциализированными представлениями о гражданстве как статусе по факту рождения или логиками приватизированного гражданства как ответственности за свою жизнь, молодые горожане артикулируют идею гражданства как активного, в том числе и политического, участия.

Однако эта активная позиция не абсолютная, она сопряжена с индивидуальными выборами и наличествующими силами и возможностями. Идея активного гражданства в условиях индивидуальных возможностей связывается молодыми с рядом особых характеристик гражданина и гражданства в целом, которые в свою очередь наделяют это идеализированное представление конкретным практическим смыслом и дают представление о возможностях его воплощения.

Гражданство связывается с равнодушием к происходящему вокруг. При этом «равнодушие» конструируется не просто как сопереживание, а как действенная личная ответственность. Равнодушие и сопереживание, по мнению молодых, должно

⁹⁷ Результаты, изложенные в данном подпараграфе, представлены в публикациях, выносимых на защиту - Krupets Y., Morris J., Nartova N., Omelchenko E., Sabirova G. Imagining young adults' citizenship in Russia: from fatalism to affective ideas of belonging // Journal of Youth Studies. 2017. Vol. 20. No. 2. P. 252-267; Нартова Н. А. Гражданственность в представлении петербургской молодежи и их родителей // Социологические исследования. 2019. Т. 45. № 12. С. 38-47. И дополнительных публикациях: Nartova N. Citizenship and social engagement of youth in the Putin era// Youth in Putin's Russia/ Ed. by E. Omelchenko. London, New York: Palgrave Macmillan, 2021 (в печати); Крупец Я. Н., Нартова Н. А., Омельченко Е. Л., Сабирова Г. А. Молодежь Санкт-Петербурга и Ульяновска: за пределами единой гражданской идентичности // В кн.: XV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х книгах / Отв. ред.: Е. Г. Ясин. Кн. 4. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. С. 479-487.

⁹⁸ С чего начинается Родина: молодежь в лабиринтах патриотизма / Науч. ред.: Е. Л. Омельченко, Х. Пилкингтон. Ульяновск : Ульяновский государственный университет, 2012. 320 с.

сопровождаться и развитием критического восприятия окружающей действительности. Молодые отстаивают свою способность к автономному суждению и маркируют это как важную часть гражданственности.

Следующая важная конституирующая гражданство характеристика — это ориентация на деятельность. Нравнодушие и критичность не должны приводить к пассивности, а должны стимулировать активность, должны приводить к некоторым активным шагам.

В деятельности для молодых важна ориентация на других. Юноши и девушки подчеркивают, что гражданство — это выход за пределы своей индивидуальной жизни, это активность, которая направлена вовне — на других людей, на проблемные ситуации вокруг.

Но при этом вовлечение в помощь другим для молодых — это очень конкретная деятельность в том пространстве, в том контексте, где они могут что-то сделать и реально повлиять на ситуацию, даже если это маленькие шаги и маленькие действия. Для молодежи гражданство во-многом — это гражданство «на расстоянии вытянутой руки»: точечные, конкретные действия, которые, может быть, не приведут к «миру во всем мире», но сделают его лучше.

Такая «работа заботы» в расширенном понимании Дэвида Гербера⁹⁹ принципиально важна для молодых, она наделяет смыслом не только само проявление гражданства, но и их жизнь в целом. Более того, она включена в общие ценностные представления о том, как должен быть устроен мир. Двухлетняя Татьяна, имеющая опыт волонтерства, рассуждая о том, кто такие настоящие граждане, говорит:

«Я думаю, что они не дают несправедливости торжествовать. То есть если они видят, что несправедливо, когда оставляют ребенка в детском саду, когда у него нет там ни близкого взрослого, ни нормальной одежды, то они стараются, чтобы эта несправедливость смягчалась. То есть нельзя сказать, что можно помочь всем, но можно своим участием сделать немножечко лучше. Или это может касаться экологии, т.е. ты можешь элементарно разделять мусор у себя дома или не бросать мусор на улице. И ну среди моих людей я уважаю тех, которые думают об этом» (2016 г.).

Таким образом, молодые формируют, с одной стороны, очень персонифицированную модель гражданства, основанную на личном равнодушии и ответственности, с другой стороны, критичную и рефлексивную, ориентированную на самостоятельные суждения, а с третьей — деятельную, ориентированную на проявление активности в отношении других в том пространстве, где они могут что-то менять и на что-то влиять. И это очень отличает молодое поколение от их родителей, для которых гражданство приватизировано и связано

⁹⁹ Гербер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020. 331 с.

в первую очередь с морально-этическими установками «быть хорошим человеком» и приватизированными обязанностями — работать, платить налоги и т.д. Складывающаяся среди молодых конвенция о гражданстве как о «повседневном гражданстве заботы» во многом определяет и направление воплощения этой идеи, или, иными словами, способов реализации гражданства.

Реализация гражданственности: работа на сообщество¹⁰⁰

Среди молодежи наблюдается разочарованность в наличествующих каналах политического демократического участия. Для многих юношей и девушек это не столько интериоризированное общее настроение, сколько личный опыт. Традиционные способы выражения гражданской позиции в России для молодых выглядят и неэффективными, и опасными. В целом молодежь говорит о репрессивном характере современного российского государства: «никаких свобод, никакого права высказываться» (Ирина, 26 лет, IT-специалист, 2013 г.), «людей сажают за репосты, лайки, за шутки. За людьми подслушивают, досматривают, читают их переписку» (Александр, 18 лет, студент, политический активист, 2017 г.), — хотя потенциальная возможность солидарного публичного протеста для молодежи сохраняется.

При этом опыт гражданского участия для многих молодых юношей и девушек начинается именно с внутренней потребности включиться, с внутренней потребности в действии как реакции на происходящее в стране — с «невозможно не делать». Однако первое действие или включение не делает из человека гражданина. Молодежь подчеркивает процессуальность становления гражданином, необходимость вложения временных, личностных и других ресурсов в освоение навыков гражданского и социального участия.

Межстрановый метаэтнографический анализ молодежного активизма показывает, что социальное включение не только дает молодежи развить многие навыки и компетенции, но и значительно расширяет круг их социального и гражданского участия¹⁰¹.

Для молодежи важна низовая социальная и гражданская активность. Молодые разделяют представление о формировании гражданского общества как сообщества

¹⁰⁰ Результаты, изложенные в данном подпараграфе, представлены в публикациях, выносимых на защиту - Нартова Н. А. Гражданственность в представлении петербургской молодежи и их родителей // Социологические исследования. 2019. Т. 45. № 12. С. 38-47; Nartova N., Krupets Y., Shilova A. HIV Activism in Modern Russia: From NGOs to Community Development // Community development journal. 2020. Vol. 55. No. 3. P. 419-436. И дополнительной публикации: Nartova N. Citizenship and social engagement of youth in the Putin era// Youth in Putin's Russia/ Ed. by E. Omelchenko. London, New York: Palgrave Macmillan, 2021 (в печати).

¹⁰¹ Nartova N., Shilova N. Cluster Analysis: Cluster 4: Gender/Sexuality// PROMISE: Promoting Youth Involvement and Social Engagement: Opportunities and challenges for conflicted young people across Europe. WP6: From Conflict to Innovation: Ethnographic Case Studies, 2019. URL: <http://www.promise.manchester.ac.uk/wp-content/uploads/2019/04/Cluster-4-analysis-Final-individual-report.pdf> (дата обращения: 14.04.2021).

инициативных включенных людей. И основным направлением своей деятельности они видят самоорганизацию и работу на сообщество: *«Я родилась в этой стране, и я вижу её проблемы, и я хочу помочь людям самоорганизоваться и решить эти проблемы»* (Светлана, 21 год, студентка, 2016 г.).

Для молодежи именно работа внутри сообщества и на сообщество является ключевой, зачастую единственной эффективной стратегией собственного социального участия и реализации гражданственности. Вовлеченность в тот или иной активизм позволяет молодежи не только создавать дружеские сети, но и в целом дает чувство принадлежности к сообществу, соучастия в важных для сообщества событиях. Низовое социальное участие, развитие сообщества и «работа заботы» в нем, дает молодежи ощущение удовлетворения, поддержки и смысла собственной деятельности.

Таким образом, нарождающаяся идея «повседневного гражданства заботы» сопровождается для петербургской молодежи активностью по созданию и развитию сообществ. Деятельность внутри разных групп, с одной стороны, востребует от молодежи усилий по развитию различных навыков, с другой — расширяет сферы их социального включения. Но что более важно, через повседневную коммуникацию, дружбу, прямую заботу, участие в сообществах дает молодежи чувство солидарности, принадлежности и причастности к маленьким шагам по улучшению мира вокруг себя, в том числе и для себя.

*Ограничения в реализации гражданственности: биографический контроль, конфликты и невозможность долгосрочной перспективы*¹⁰²

Модель гражданственности, построенная на идеях «повседневного гражданства заботы», реализующаяся в том числе активно через выстраивание активистских групп и работу на сообщества, сталкивается с рядом существенных проблем и ограничений для самой молодежи и для общества в целом.

Включение в сообщества сопряжено с «биографическим контролем» на вход и на принадлежность к нему. Карин Клеман и Анна Желнина в своей работе, посвященной прагматической повседневной политике, говорят, что она, среди прочего строится на воображаемой общности со всеми теми, кто разделяет один и тот же жизненный опыт, и в силу этого не обязательно является толерантной¹⁰³.

¹⁰² Результаты, изложенные в данном подпараграфе, представлены в публикации, выносимой на защиту - Nartova N., Krupets Y., Shilova A. HIV Activism in Modern Russia: From NGOs to Community Development // Community development journal. 2020. Vol. 55. No. 3. P. 419-436. И в дополнительной публикации: Nartova N. Citizenship and social engagement of youth in the Putin era// Youth in Putin's Russia/ Ed. by E. Omelchenko. London, New York: Palgrave Macmillan, 2021 (в печати).

¹⁰³ Clément K., Zhelnina A. Beyond Loyalty and Dissent: Pragmatic Everyday Politics in Contemporary Russia// International Journal of Politics, Culture, and Society. 2020. Vol. 33. No. 2. – p.146.

Молодые активисты говорят о существующих практиках контроля за входом в сообщество, когда проверяется бэкграунд человека на его соответствие разделяемому данной группой опыту и целям. Несовпадение биографии потенциального участника с биографиями других членов группы может приводить к необходимости новичку доказывать собственную «благонадежность» или ставить под сомнение вообще легитимность человека в какой-то сфере гражданского участия.

Биография зачастую рассматривается как ключевой ресурс для принадлежности и права участвовать в сообществах, которые объединяют людей, чей опыт маргинализирован и стигматизирован. В России таких немало, это и негетеросексуальная молодежь, трансгендерная молодежь или, например, ВИЧ-положительная молодежь. Стремление к созданию безопасного, понимающего и принимающего пространства, приводит к такому режиму участия, когда, только обладая конкретным биографическим опытом, человек может действовать от лица сообщества и для него. Так, 19-летний ВИЧ-отрицательный Федор рефлексировал свой статус в контексте собственной волонтерской деятельности по защите прав ВИЧ-положительных людей:

«У меня нету там свойства, в котором меня очень часто обвиняют, очень часто сталкиваюсь с критиками в свой адрес, у меня нет статуса, статуса ВИЧ-положительного /.../ я настолько часто это слышу, то, что “у тебя нет будущего в ВИЧ активизме, у тебя нет статуса, что ты можешь им сказать, у тебя нет статуса, как ты можешь общаться с положительными, ты не имеешь права разговаривать с положительными”, ну вот какая-то такая фигня» (2017 г).

Объединение с имеющими схожий опыт приводит, с одной стороны, к созданию маленьких, замкнутых на себя и изолированных от «большого мира» групп, где среди единомышленников все кажется понятным и разделяемым. С другой — порождает множество эмоционально окрашенных конфликтов как внутри групп, так и между ними.

Исследователи отмечают конфликтность и отказ от консенсуса как одну из важных характеристик современного молодежного гражданского и социального участия, как их сопротивление доминирующим политическим нормам¹⁰⁴. Индивидуальные биографии не сводимы одна к другой, не представляют собой статичных наборов статусов / позиций / интересов / интерпретаций, они динамичны и изменчивы, контекстуально переопределяемы, поэтому они будут порождать различие, к которому молодые оказываются не всегда готовы. Именно рекрутинг биографии, на мой взгляд, и шире — приватного опыта как основы для легитимации, бесконечная эвалюация друг друга на

¹⁰⁴ Pilkington H., Pollock G. 'Politics are bollocks': youth, politics and activism in contemporary Europe // The Sociological Review. 2015. Vol. 63. № S2. P. 1–35.

предмет схожести и отличий, привилегий и уязвимости не дают возможности для консолидации и консенсуса. В силу этого вовлеченная в различные инициативы молодежь с трудом может объединяться и выстраивать общие цели.

Маленькие группы и сообщества, дающие чувство принадлежности участникам, становящиеся пространствами побега от большого и не принимающего общества, входящие в конфликты и конфронтации с другими, а также индивидуальные и групповые действия «на расстоянии вытянутой руки» и непосредственная забота, формируют новый опыт гражданского участия, в котором время конденсируется в «здесь и сейчас», не давая возможности увидеть долгосрочную перспективу социальных изменений.

Таким образом, современная молодежная гражданственность актуализирует настоящее, решая через заботу и работу на сообщества проблемы, которые можно решить здесь и сейчас. Но и застревает в настоящем, отказываясь выстраивать долгосрочные консолидированные стратегии.

Общие выводы исследования

Диссертационное исследование показало, что российская молодежь, как и ее западные сверстники, формирует новую модель гражданственности, ориентированную на повседневное воплощение. Создаваемое молодыми жителями Санкт-Петербурга «повседневное гражданство заботы» связано с равнодушием, личной ответственностью и действиями там, где они могут что-то изменить. Однако в российском контексте приватная повседневность и неформальные сообщества — это единственное пространство, где молодые могут что-то делать, так как публичная сфера находится под монопольным контролем государства. Маркируя как опасные и неэффективные каналы традиционного гражданского участия, такого, например, как демонстрации или выборы, молодежь уходит в повседневную заботу, волонтерство и развитие сообществ.

Развитие локальных групп, объединений и сообществ становится ключевым ресурсом для петербургской молодежи как в реализации гражданства, так и в обретении чувства принадлежности. Социальная включенность позволяет молодым развивать умения и навыки, расширять сферы участия и в целом формировать агентность даже для тех групп молодежи, которые устойчиво стигматизированы и маргинализированы. Создание через социальное участие сетей поддержки и признания, и шире — чувства принадлежности в целом рассматривается исследователями как один из важных аспектов гражданственности¹⁰⁵. В то же время давление на НКО и общественные объединения в

¹⁰⁵ Parker A., Morgan H. Citizenship, Marginalisation and Youth Offending: Acceptance, Responsibility and Resettlement// Sociological Research Online. 2020. Vol. 25. No. 3. P.507-523.; Mansouri F., Kirpitchenko L.

России не позволяют молодежи выводить свои группы в публичное пространство. Молодежь формирует некую «Зомию»¹⁰⁶, во многом параллельную государству реальность, в которой пытается и убежать от него, и сопротивляться ему.

Объединение с близкими по духу и биографическому опыту позволяет молодежи создавать относительно безопасные пространства, поддерживать собственные идентичности и признавать имеющийся опыт. Однако создание малых групп, приводит не только к конфликтам между ними, но и к невозможности более широкой солидаризации. Что в свою очередь сужает возможность выработки общих консенсусных стратегий, нацеленных на долгосрочную перспективу. Молодежное гражданское социальное участие актуализирует настоящее, но с трудом смотрит в будущее. Это ставит под вопрос эффективность таких моделей гражданственности. Ведь ключевыми игроками в долгосрочном планировании, определяющими развитие страны остаются государственные институты, в то время как исследуемая молодежь не только не доверяет им, но и дистанцируется от них.

Безусловно, экстраполяция полученных результатов на всю российскую молодежь напрямую невозможна, поскольку выводы ограничены методологией, эмпирической базой и географией исследования. Как показывают количественные обследования, большая доля молодежи не имеет опыта гражданского социального участия, а среди тех, кто имеет – высоко число юношей и девушек, включенных в про-государственные инициативы – организованные сверху добровольческие организации учебных заведений, что для Льва Гудкова с коллегами скорее девальвирует гражданский потенциал молодежи¹⁰⁷. Однако качественные исследования говорят о том, что государственная модель военно-патриотической гражданственности¹⁰⁸ активно переосмысливается населением России, в том числе и молодежью в повседневной жизни¹⁰⁹. Участники даже санкционированных государством добровольческих и общественных инициатив не демонстрируют тотально лояльность и воспроизводство доминирующей идеологии, их мотивы многообразны: от

Practices of active citizenship among migrant youth: beyond conventionalities// *Social Identities*. 2016. Vol. 22. No. 3. P. 307-323.; Cicognani E., Mazzoni D., Albanesi C., Zani B. Sense of Community and Empowerment Among Young People: Understanding Pathways from Civic Participation to Social Well-Being// *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2015. Vol. 26. No. 1. P. 24-44.

¹⁰⁶ Скотт Дж. С. Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. М.: Новое издательство, 2017. 568с.

¹⁰⁷ Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Пипия К., Рысева А. «Поколение Z»: молодежь времен путинского правления// *Вестник общественного мнения*. 2020. № 1-2 (130). – с. 43-44.

¹⁰⁸ Ясавеев И. Г. Лейтмотивы властной риторики в отношении российской молодёжи // *Социологическое обозрение*. 2016. Т. 15. № 3. С. 49-67.

¹⁰⁹ Клеман К. Патриотизм снизу. «Как такое возможно, чтобы люди жили так бедно в богатой стране?». М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 232 с.; С чего начинается Родина: молодежь в лабиринтах патриотизма / Науч. ред.: Е. Л. Омельченко, Х. Пилкингтон. Ульяновск : Ульяновский государственный университет, 2012. 320 с.

карьерных бенефитов и новых компетенций, до желания чувства соучастия и потребности быть полезным здесь и сейчас¹¹⁰. Таким образом, я бы предположила, что в современной России формируется запрос молодежи на активное гражданство вне сферы официальной легитимной политики, позволяющее им включаться, солидаризироваться, влиять и заботиться в пространствах, доступных им для контроля.

Список публикаций автора диссертации, в которых отражены основные научные результаты диссертации

Представляемые к защите статьи

1. Krupets Y., Morris J., Nartova N., Omelchenko E., Sabirova G. Imagining young adults' citizenship in Russia: from fatalism to affective ideas of belonging // Journal of Youth Studies. 2017. Vol. 20. No. 2. P. 252–267 (Крупец Я., Моррис Дж., Нартова Н., Омельченко Е., Сабирова Г. Воображение гражданства молодыми взрослыми в России: от фатализма к аффективным идеям принадлежности// Журнал молодежных исследований. 2017. Том. 20. № 2. С. 252–267).
2. Нартова Н. А. Гражданственность в представлении петербургской молодежи и их родителей // Социологические исследования. 2019. Т. 45. № 12. С. 38-47.
3. Nartova N., Krupets Y., Shilova A. HIV Activism in Modern Russia: From NGOs to Community Development // Community development journal. 2020. Vol. 55. No. 3. P. 419–436 (Нартова Н., Крупец Я., Шилова А. ВИЧ-активизм в современной России: от НКО к развитию сообщества// Журнал о развитии сообществ. 2020. Том. 55. № 3. С. 419–436).

Другие публикации

1. Nartova N. Citizenship and social engagement of youth in the Putin era// Youth in Putin's Russia/ Ed. by E. Omelchenko. London, New York: Palgrave Macmillan, 2021 (в печати) (Нартова Н. Гражданство и социальное включение молодежи в путинскую эпоху// Молодежь в путинской России/ под ред. Е.Омельченко. Лондон, Нью-Йорк: Палгрэйв Макмиллан, 2021 (в печати).

¹¹⁰ См. например: Лукьянова Е., Елкина О. Волонтерство как пространство молодежного взаимодействия: в поисках и противоречиях развития// Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности. Под ред. Е.Омельченко., М.: Издательский дом Высшей школы экономики. С. 229-281.; Гончарова Н. В., Ясавеев И. Г. Конструирование смыслов поисковой работы в России: лейтмотивы властей и участников экспедиций // Мир России: Социология, этнология. 2020. Т. 29. № 1. С. 153-173.

2. Крупец Я. Н., Нартова Н. А., Омельченко Е. Л., Сабирова Г. А. Молодежь Санкт-Петербурга и Ульяновска: за пределами единой гражданской идентичности // В кн.: XV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х книгах / Отв. ред.: Е. Г. Ясин. Кн. 4. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. С. 479-487.

Апробация результатов исследования

Международная конференция «Молодежь в обществе: в поисках новых солидарностей» (Санкт-Петербург, 16-17.10.2015). Доклад: Гражданство молодежи России: смыслы, практики, эмоции. В соавт. с Крупец Я.Н.

Международная конференция «Городские молодежные культуры: солидарности, креативность, активизм» (Санкт-Петербург, 30.11-01.12.2017). Доклад: ВИЧ активизм в Санкт-Петербурге: от НКО к развитию комьюнити. В соавт. с Шиловой А.С.

Зимняя дискуссионная школа Gaidpark (Репино, 01.02.2018). Доклад: Идеологические, гражданские, семейные, карьерные, сексуальные ориентации поколения Z. В соавт. С Омельченко Е.Л., Крупец Я.Н.

Международная научная конференция: «Национализм, Империя и Государство» (Санкт-Петербург, 07-08.04.2018). Доклад: Палитра патриотических настроений городской молодежи: от борцов за моральный порядок до повседневной гражданственности. В соавт. с Омельченко Е.Л.

Международный семинар «Postsocialist Revolutions of Intimacy: Sexuality, Rights and Backlash» (Стокгольм, 01-02.10.2018). Доклад: Between Scylla and Charybdis: the youth LGBTQ+ activism in modern Russia.

Международная конференция «Young people and social change: action, reaction and inaction» (Манчестер, 08-09.04.2019). Доклад: Youth-quakes? Desires, needs and actions! Presentations and panel discussion of cluster analysis findings. Cluster 4: Gender and sexuality. В соавт. с Шиловой А.С.

Публичный семинар Института российских и восточно-европейских исследований Университета Индианы (Блумингтон, 23.09.2019). Доклад: Между публичным и приватным: молодежь в поисках гражданственности в современной России.